

**ВОСЕМЬ ИЛИ ДЕВЯТЬ МУДРЫХ СЛОВ О ТОМ, КАК ПИСАТЬ
(ТОЛКОВАТЬ, ПЕРЕВОДИТЬ) «СНАРКА»**

... Делайте любые замечания,
которые придут вам в голову
по ходу чтения...

Льюис Кэрролл^{xvi}

1. КАК НАЧАТЬ «СНАРКА»

Начать «Снарка», как оказывается, несложно.

Нужно 18 июля 1874 года — летним солнечным днем — отправиться побродить в одиночестве по холмам, и в голову с неизбежностью залетит одна-единственная строчка: «For the Snark was a Boojum, you see»^{xvii}.

2. КАК ЗАКОНЧИТЬ «СНАРКА»

Закончить «Снарка» еще проще, чем начать. Потому что тем самым летним солнечным днем в голову залетела по счастливой случайности именно последняя фраза всей поэмы.

3. КАК НАЧАТЬ ТОЛКОВАТЬ «СНАРКА»

Начать толковать «Снарка» следует, конечно, с самого начала, то есть надо предложить свой (по возможности) вариант объяснения самого слова «Snark». Таковых объяснений исследователями предложено уже немало, однако попытаться все-таки стоит. Большинство предполагает, что Снарк — это «слово-бумажник», составленное из двух или нескольких слов. Варианты предлагаются такие: snail и shark (дословно: улитка и акула), snarl и bark (дословно: рычание и лай), возможно, в каждой из этих пар присутствует еще и snake (змея).

Поскольку точное толкование установить не удастся, остается только пополнять этот список. Я предлагаю пополнить его парой: snare и ark (ловушка и ковчег). К достоинствам этой пары следует отнести, во-первых, естественность словообразования (словослияния, словосхлопывания), во-вторых, морскую тематику (а не Ноев ли это ковчег?) и, в-третьих, полисемию, звучащую в каждом из этих слов по отдельности и тем более в паре, например, так: snares ark (ковчег ловушек).

xvi Кэрролл Л. Восемь или девять мудрых слов о том, как писать письма/Пер. Ю. Данилова // Логическая игра. М.: Наука, 1991, с. 89.

xvii Падни Дж. Льюис Кэрролл и его мир /Пер. и прим. В. Харитоновна, С. Сквайрс. М.: Радуга, 1982, с.143.

К недостаткам всех такого рода толкований можно отнести следующее соображение. Если изначально верить Кэрроллу, что в его голове внезапно возникла фраза «For the Snark was a Boojum, you see», то придется признать, что Кэрроллу самому пришлось позднее вкладывать в слово «Snark» какое-то толкование, скрывать его, скрывать, что оно есть, скрывать, что ему есть, что скрывать, чтобы нам потом было, что истолковывать.

**4 ИЛИ 5. КАК ПРОДОЛЖАТЬ «СНАРКА»
ИЛИ КАК ПРОДОЛЖИТЬ ТОЛКОВАТЬ «СНАРКА»**

Что же делать, вернувшись домой после прогулки по холмам, с залетевшей в голову фразой? Вертится фраза в голове, и ничего с ней не поделаешь. Ее можно забыть на некоторое время, можно попытаться отвлечься, но она с неизбежностью всплывает в памяти, и все тут. Можно открыть любимого Диккенса и погрузиться в чтение... читая, можно вместе с Венирингом нырнуть в воды повествования и минут через двадцать вынырнуть на поверхность, держа в объятиях директора банка. Ба! (или Boo!). А в это же время и «...миссис Вениринг тоже успела нырнуть, охотясь за богатым судовым маклером, и благополучно вытащила его на берег за волосы». («...He planged into the case and emerged from it twenty minute afterwards with a Bank Director in his arms. In the mean time, Mrs. Veneering had dived into the same water for a wealthy Ship-Broker, and brought him up, safe and sound, by the hair». — «...На обеде присутствовали Член Парламента, Инженер, Плательщик Национального Долга, Поэма о Шекспире, Жалобщик и Представитель Министерства, по-видимому совершенно незнакомые с Венирингом... Бруэр с Бутсом и остальные два Буфера...») («Boots and Brewer, and two other stuffed Buffers»^{xviii}).

Вот так наш общий друг погружается в воды повествования, а залетевшая крылатая фраза, оживившись, бьет крыльями и устремляется в погоню за Снарком к концу только что забрезжившей поэмы, за Снарком, внезапно оказавшимся Boojum'ом, you'll see.

Продолжить толковать «Снарка» нужно точно так же. По-другому никак.

Следует, правда, на мой взгляд, иметь в виду, что, поскольку Кэрролл сам признался, что не придавал поэме никакого смысла, кроме нонсенса, то целью толкования может быть только некая реставрация не смысла, а замысла.

xviii Диккенс Ч. Наш общий друг // Диккенс Ч. Собр. соч. в 30-ти т. /Пер. Н. Волжиной, Н. Дарузес. М.: ГИХЛ, 1962, т. 24, с. 14, 20, 166.

Итак, прежде всего «Снарка» надо прочесть. И терпеливо ждать, когда руки дойдут до «Нашего общего друга». А вот уж когда дойдут, шанс свой не упустить, пустившись за ускользящими смыслами поэмы.

Можно, не дожидаясь счастливой случайности, найти подсказку и одновременно оправдание своим толкованиям в книге Н. Демуровой «Льюис Кэрролл: Очерк жизни и творчества», где говорится, что «Кэрролл неизменно с огромным интересом читал все новые публикации Диккенса: очевидно, следил он и за выпусками «Нашего общего друга», в котором обнаруживается ряд эпизодов и деталей, сходных со «Страной чудес» и «Зазеркальем». Вряд ли подобное сходство можно объяснить простым совпадением, случайностью или даже некоторыми типологическими аналогиями»^{хix}.

Логично ведь предположить, что и со «Снарком» обнаружится хотя бы одна сходная деталь. Вот она и обнаруживается.

Уж очень приведенная цитата из «Нашего общего друга» похожа на пролог, аннотацию, намек на поэму, в воды которой нам и предстоит погрузиться, а уж что мы из нее извлечем в конечном счете, неизвестно. Пока же на свет божий извлеченными «by the hair» появляются и Banker, и Broker, и даже, более того, Ship-Broker и Boots, который затем в поэме играет удивительно малую роль, а также сам принцип именованья персонажей по роду деятельности, как видим, извлечен из диккенсовской цитаты.

Нетрудно представить себе, что таким вот образом Кэрролл и набирает команду охотников на Снарка, каждый из которых представлен только родом своей деятельности, неизменно начинающейся на В.

6. Как продолжать толковать «Снарка»

Все толкователи поэмы Кэрролла должны ответить на вопрос, почему имена всех членов экипажа начинаются на В. Если ответ (а это ответ?!), приведенный в предыдущем разделе, не выглядит достаточно убедительно, можно попытаться привести еще один. Пусть он будет еще менее убедителен, но, в конце концов, — это же герменевтика.

Мартин Гарднер указывает, что «Кэрролл использовал псевдоним В.В., подписывая некоторые свои ранние стихи», и «никто не знает почему»^{xx}. Очень хорошо, что никто не знает почему. Благодаря этому мы можем быть совершенно свободны в своих

предположениях. Стало быть, мы должны исходить из того, что буквы В.В. присутствовали в голове Кэрролла гораздо раньше, чем он прочел Диккенса.

Приведем цитату на этот раз из книги О. Вайнштейн «Денди». «А известно кому-либо имя отца Джорджа Б.?» — «Ах, леди Хестер, — возразил он шутя, — и впрямь, кто бы знал отца Джорджа Б., да и самого Джорджа Б., если бы он не оставался самим собой? Дорогая леди Хестер, мои причуды делают мне имя. Если бы я не смущал герцогиню своими дерзкими взглядами и не кивал небрежно принцу, меня забыли бы через неделю, и если мир столь глуп, что восхищается моими безрассудствами, то мы с вами это понимаем, но разве от этого что-либо меняется?»^{xxi} Это воспоминания леди Хестер Станоп о Джордже Браммелле.

Такая цитата дает простор для самых различных толкований.

Во-первых, закрадывается подозрение: а не был ли Джордж Браммелл кумиром юного Кэрролла? Причем, возможно, тайным кумиром? Почему бы и нет? Кумиром кого только ни был Джордж Браммелл. И в каких только склонностях не обвиняли Кэрролла. И если упомянуть, что Браммелла называли Бо Браммелл (Beau Brummell), то появление упомянутых инициалов может показаться оправданным. Единственным недостатком такой гипотезы является то, что у нас нет достаточных и авторитетных подтверждений.

Но, во-вторых, приведенная цитата подталкивает нас к мысли, а не является ли Булочник (Baker) пародией на денди. Создается впечатление, что портрет Булочника просто списан с приведенной цитаты. В ней есть все: и утраченное имя, и причуды, которые делают имя, и дерзкие взгляды, и кивки герцогиням (не гиенам).

Булочник — несомненный денди. У него куча всевозможной одежды, отчасти забытой на берегу, отчасти той, в которую он с избытком облачен, и куча дендистских аксессуаров: зонт, часы, камни, кольца.

Дендистские мотивы появляются в тексте поэмы неоднократно. Так, сам Снарк среди своих пяти признаков имеет несомненно дендистскую привычку поздно вставать и каким-то образом привязан к купальным кабинам. Его вкус, мягко говоря, странноват, но все же в нем что-то есть — неуловимое. Не понятно, правда, почему он не понимает шуток, ведь денди были завзятыми

хix ДЕМУРОВА Н. Льюис Кэрролл: Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1979, с. 66.

xx CARROLL L. The Hunting of the Snark / With an introd. a. notes by Gardner M. Penguin books, p. 53.

xxi Вайнштейн О. Денди. М.: Новое литературное обозрение, 2005, с. 94.

путниками, но, возможно, в представлении Кэрролла он такой вот лишенный чувства юмора денди.

Перед самой охотой Беконщик (Butcher) одевается как на званый обед — в желтые (!) перчатки и рюши — и церемонно ждет, когда его Снарку представят.

Позднее, в седьмом Вопле, мы видим Банкира облаченным в вечерний костюм.

На иллюстрации Холидея^{xxiii} Банкир несет подозрную трубу, а Бобер — микроскоп, что тоже можно счесть пародией на дендистскую привязанность к оптическим приборам. Барышник (Broker) на другой иллюстрации^{xxiv}, обращает внимание Мартин Гарднер, «держит трость, дотрагиваясь рукояткой до губ... так называемое «сосание трости» было обычным пристрастием викторианских фатов. Лондонские денди с тростями у губ часто встречаются на карикатурах того времени». Как не вспомнить в этой связи, что Монти в замечательном фильме «Дживс и Вустер» по произведениям Вудхауза с удовольствием предается такому странному для нас занятию.

Птица Джабджаб, видимо, такой же ярый приверженец дендизма, как и прочие персонажи. Хотя вкус ее в одежде абсурден, нелеп (как, кстати, и вкус Снарка, а вкус денди вполне может показаться таковым оксфордскому профессору), однако моды она обгоняет на годы, и главное, что бы ни случилось, ее симметричная форма должна оставаться неизменной (Still keeping one principal object in view — To preserve its symmetrical shape)^{xxv}.

Прямо дендистский клуб, а не поэма.

Остается вопрос: доступна ли была Кэрроллу эта цитата из письма леди Хестер (а известна она могла быть и из других, самых разных источников — ведь о Джордже Браммелле ходили легенды) или это простое совпадение, случайность, типологическая аналогия?

7. КАК ПРОДОЛЖАТЬ ТОЛКОВАТЬ «СНАРКА» ФИЛОСОФСКИ

Цитируя леди Хестер, нельзя не обратить внимание на еще один важный для Кэрролла и популярный среди его толкователей аспект, а именно — проблему утраты имени. Ведь бедняга Джордж Б. постоянно рискует остаться без имени, и, чтобы этого не случилось, он вынужден постоянно оставаться самим собой, обращаться за помощью к собственным причудам затем только, чтобы не

потерять имя. Тем же озабочен и Булочник. Он забыл на берегу все свои причуды (а как еще назвать дендистскую амуницию?) и тем самым утратил свое имя, потерял себя, утратил идентификацию себя как денди, как личности.

Утрата имени комментируется у Х.Л. Борхеса в «Отголосках одного имени»^{xxvi}. Как же Борхес, будучи ценителем Кэрролла, не услышал этого, кэрролловского, отголоска? Хуже всего забыть или потерять свое имя. Так, со ссылкой на древние источники, Борхес пишет: «В «Книге мертвых» говорится о множестве опасностей, ожидающих душу после смерти тела, и, похоже, самая большая опасность — это забыть свое имя, потерять себя». «I am that I am».

Тема утраты имени присутствует и в «Алисе»:

— *Хочешь потерять свое имя?*

— *Нет, — испугалась Алиса. — Конечно, не хочу!*

— *И зря.*

И далее: «Это, верно, тот самый лес, где нет никаких имен и названий»^{xxvii}. Гарднер так комментирует этот эпизод: «Таким лесом является на деле вселенная, если рассматривать ее как существующую саму по себе, независимо от существ, манипулирующих символами и наклеивающих ярлычки на те или иные ее части, поскольку, как заметила ранее с прагматической прозорливостью Алиса, это полезно для тех, кто этим занимается. Мысль о том, что мир сам по себе не помечен знаками, что между предметами и их названиями нет никакой связи, помимо той, которую придает им интеллект, находящий эти пометки полезными, — совсем не тривиальная философская истина».

Кэрролла явно волновали номиналистские идеи в духе Юма. Булочник, потерявший свое имя, очень встревожен утратой «своего Я», встревожен вместе с Юмом, который утверждает, «что не существует впечатления самого себя и поэтому нет идеи о самом себе... Я никак не могу поймать свое Я отдельно от перцепции, — пишет Юм, — и никак не могу подметить ничего, кроме какой-нибудь перцепции»^{xxviii}. Не исключено, что именно поэтому Булочник с удовольствием откликается на сильные, резкие выражения, чтобы не утратить еще и возможность перцепции. «Fry me!», «Fritter my wig!» настойчиво требуют такой перцепции. Возможно, найди бедняга свое имя, он успокоился бы, обретя идею своего Я. Кэрролл,

xxiii CARROLL L. The Hunting of the Snark, p. 69.

xxiv *IBID*, p. 49–50.

xxv *IBID*, p. 81.

xxvi БОРХЕС Х.Л. Собр. соч. в 3-х т. /Рига, 1996, т. 2, с.131.

xxvii КЭРРОЛЛ Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье /Пер. Н. Демуровой, прим. М. Гарднера. М.: Правда, 1982, с. 191,192.

xxviii РАССЕЛ Б. История западной философии в 2-х т. М.: Миф, т. 2, с.179.

скорее всего, полемизирует с Юмом, находя логические противоречия в его работах. Странно, что Кэрролл не написал на эту волнующую его тему какого-нибудь философского или логического трактата. Впрочем, если «берклианская тема беспокоила Кэрролла»^{xxix} в «Алисе», как пишет Гарднер в своей комментарии, то почему бы юмовской не вызвать его беспокойства в «Снарке».

Добавлю лишь, что вообще-то, строго говоря, все остальные персонажи имеют точно такое же имя, ничем не хуже и не лучше, чем у Булочника. Или Булочник — это еще более общая идея? Возможно, Кэрролл вновь обыгрывает «характерную для себя инверсию», которую комментирует Гарднер в связи с таким диалогом Алисы и Шалтая-Болтая:

- Скажи-ка мне лучше, как тебя зовут и зачем ты сюда явилась.
— Меня зовут Алиса, а...
— Какое глупое имя, — нетерпеливо прервал ее Шалтай-Болтай. — Что оно значит?
— Разве имя должно что-то значить? — проговорила Алиса с сомнением.
— Конечно, должно, — ответил Шалтай-Болтай и фыркнул. — Возьмем, к примеру, мое имя. Оно выражает мою суть! замечательную и чудесную суть! А с таким именем, как у тебя, ты можешь оказаться чем угодно... Ну, просто чем угодно!^{xxx}

Комментарий со ссылкой на статью Питера Эликзэндера «Логика и юмор Льюиса Кэрролла» таков: «В реальной жизни собственные имена редко имеют какой-либо смысл, помимо обозначения индивидуального объекта, в то время как другие слова обладают общим, универсальным смыслом. В мире Шалтая-Болтая справедливо обратное. Обычные слова обретают любые значения, которые придает им Шалтай-Болтай, а имена собственные, такие как «Алиса» и «Шалтай-Болтай», предполагаются имеющими универсальное значение».

Если принять эту инверсию, то в мире Снарка, как и в мире Шалтая-Болтая, все члены экипажа имеют имена универсальные, выступающие в роли имен собственных.

xxix КЭРРОЛЛ Л. Приключения Алисы в Стране чудес. М.: Правда, 1982, с. 206.

xxx ТАМ ЖЕ, с. 227.

8. КАК ПРОДОЛЖАТЬ ТОЛКОВАТЬ «СНАРКА» ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИ

Настало время выдвинуть крамольную версию относительно того, на что или кого охотятся все эти поименованные с буквы В персонажи. Какова их цель?

Отправной точкой в таком рассуждении выберем следующие строки:

*Последний в команде был редкий болван,
Снедаемый мыслью одною,
Но, так как была она — «Снарк», капитан
Его взял охотно с собою.*

Здесь весьма интересно разобраться, что это за мысль. Была ли она мыслью о Снарке или сама мысль была Снарком?

По-английски строфа выглядит так:

*The last of the crew needs especial remark,
Though he looked an incredible dunce:
He had just one idea — but, that one being «Snark»,
The good Bellman engaged him at once.*

Полемика с Юмом не исключена и в этом случае, и, может быть, здесь она наиболее очевидна, поскольку предлагается некая идея и дается ее наименование. В дальнейшем же Билл Склянки (Bellman) расскажет, из каких впечатлений она должна складываться. Но имеется ведь еще Буджум, пародирующий идею об общих идеях тем, что он от Снарка не отличим, а никаких впечатлений о нем быть не может. Кэрролл как бы предлагает Юму контрпример, опровергающий его рассуждения. Буджум — явно единичная идея, соединенная с неким именем^{xxxi}.

Однако, оставив вероятную полемику с Юмом («А что, если мы переменим тему?»^{xxxii}, как сказал Мартовский Заяц), мы увидим, что если предположить, что сама эта мысль, идея Снарком и является, то, конечно же, наличие такого члена экипажа просто обязательно и именно поэтому его нельзя изгнать на отдельное судно. Иначе не на что будет охотиться. Видимо, поэтому он должен быть особо отмечен (needs especial remark) Биллом Склянки.

В пятом Вопле Бобер и Беконщик, отправившись на охоту, думают, что не думают ни о чем, кроме Снарка (Each thought he was

xxxi РАССЕЛ Б. История западной философии. М.: Миф, 1993, т. 2, с. 179.

xxxii КЭРРОЛЛ Л. Приключения Алисы в Стране чудес. М.: Правда, 1982, с. 82.

thinking of nothing but «Snark»). Почему Кэрролл ставит слово в кавычки? Контекст вроде бы этого не требует.

Булочник падает в обморок при одном упоминании имени Буджум, то есть ведет себя так, как будто он его встретил на самом деле:

— *Хоть Снарки безвредны, но есть среди них...
Буджумы... — Билл Склянки в молчанье
Вдруг замер, поскольку «Ну-как-бишь» затих
И рухнул, теряя сознание.*

Если учесть, что Снарк и Буджум различимы, согласно Кэрроллу, только вербально^{xxxiii}, то получается, что вся экспедиция затеяна лишь с одной целью — добраться до последней строчки поэмы, которая и есть Снарк, оказавшийся Буджумом, и приписочка «you see» в самом конце совсем не случайна. Она подчеркивает — мол, сами видите: «the Snark was a Boojum».

Мысль эта или, если угодно, идея пришла в голову 18 июля 1874 года — летним солнечным днем — не кому иному, как Льюису Кэрроллу, отправившемуся побродить в одиночестве по холмам. С тех пор мы и охотимся за его мыслью, все еще не зная, окажется ли она Снарком или Буджумом.

Так что вполне может статься, что Кэрролл представляет себя в образе Беконщика, тогда как принято считать, что Кэрролл подтрунивает над собой в образе Булочника. А претендентов на роль Булочника наберется достаточно: Юм, например. Все может быть! Не даром же «Снарк» — это ковчег расставленных автором ловушек.

xxxiii Галинская И.Л. Льюис Кэрролл и загадки его текстов / Российская академия наук; Институт Научной информации по общественным наукам. М., 1995.

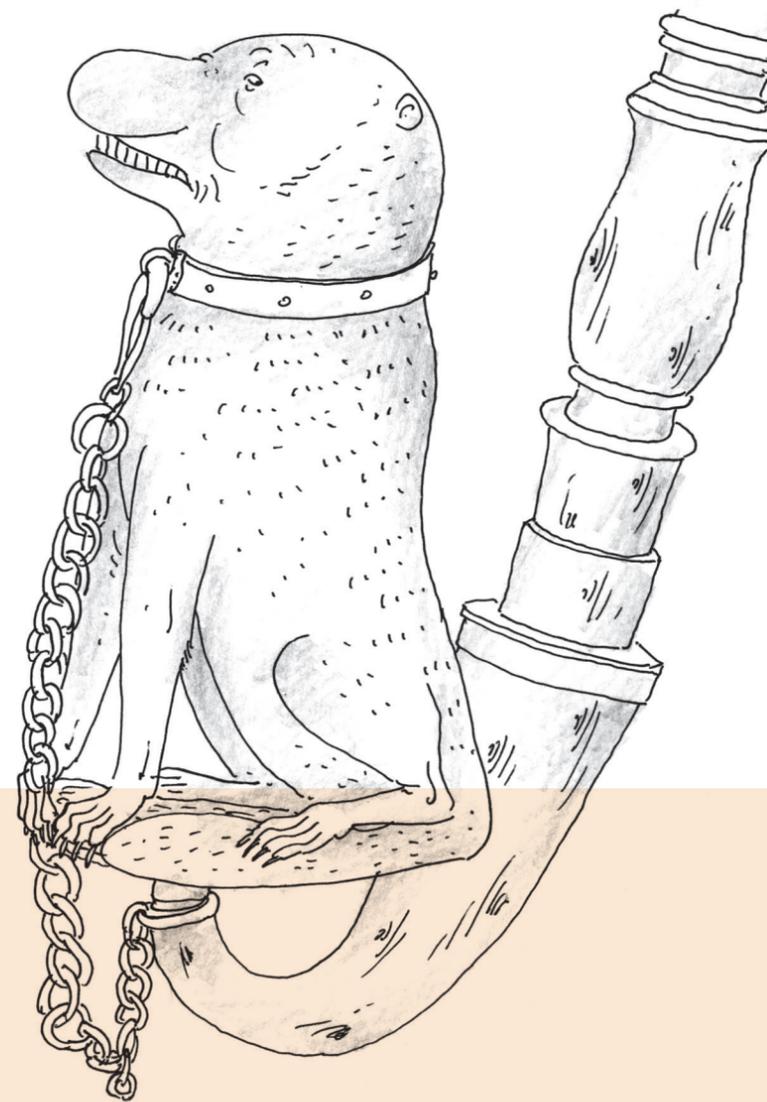
9. КАК ЗАКОНЧИТЬ ТОЛКОВАТЬ «СНАРКА».

КАК ПЕРЕВОДИТЬ «СНАРКА»

... Любой автор любой книги имеет полное право придавать любое значение, какое только ему вздумается, любому слову или выражению, которые он вознамерится употребить.

Льюис Кэрролл^{xxxiv}

Закончить толковать «Снарка» невозможно. Он неуловим. Он неисчерпаем. Он непереволим. Именно поэтому «Снарка» стоит начать переводить, ибо всякое толкование произвольно.

xxxiv Кэрролл Л. Символическая логика // История с узелками / Пер. Ю. Данилова. М.: Мир, 1973, с. 330.